

Наталья Александрова

Наталья
Александрова

Браслет императрицы

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
А46

Оформление Анастасии Орловой

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Александрова, Наталья

А46 Браслет императрицы : [роман] / Наталья Александрова. — Москва: АСТ, 2014. — 317, [3] с. — (Романовый артефакт).

ISBN 978-5-17-082471-7

Согласно одной из китайских легенд, тысячу лет назад король змей подарил Прекрасной Императрице Сяо Линь необычный браслет — тонкую золотую змейку с изумрудными глазами, кусающую свой хвост. Названный Кольцом Змея, этот браслет даровал его владельцу тайну вечной жизни, ведь в нем была запечатлена кровь бессмертной птицы Феникс. Но когда Прекрасная Императрица Сяо Линь увидела в зеркале первую морщину, она поняла, что вечная жизнь не значит вечная молодость, и наложила на себя руки. Тайна Кольца Змея затерялась в веках, и только в наши дни следы пропавшей реликвии обнаружили в России. К погоне за артефактом оказалась причастна обычная домохозяйка Надежда Лебедева. По крупицам она собирает информацию о священном амулете и приближается к разгадке тайны Прекрасной Китайской Императрицы.

УДК 821.161.1-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.

© ООО «Издательство АСТ»

Молодая женщина в коротком шелковом платье вышла на палубу, захлопнула за собой дверь.

По ту сторону двери остался звон ножей и вилок, оживленные голоса пассажиров, сливающиеся в ровный монотонный шум, яркий свет люстр и плафонов, заливающий зал ресторана.

По эту сторону была ночь, мириады звезд, холодным сиянием осыпавшие черное бархатное небо, и мощное дыхание океана.

Женщина подошла к краю палубы, оперлась на борт и взглянула на ночной океан.

Даже в темноте он поражал своей безграничной мощностью. Где-то далеко, на горизонте, мерцал огонек встречного судна, за кормой светились вспененные винтами водоросли — и больше ничего, никаких признаков человеческой жизни.

На шлюпочной палубе тоже не было ни души.

Но вдруг из-за подвешенной на таях шлюпки показалась фигура. Это был мужчина в вечернем костюме, в темноте ярко белела рубашка. Женщи-

на невольно вздрогнула, повернулась к незнакомцу — и узнала его: это его взгляд она то и дело ловила на себе в первые дни круиза.

Довольно привлекательный мужчина, но немало странный. Худощавый, с виду хлипкий и неприметный — но если приглядеться, от него исходит ощущение скрытой силы и значительности.

Если она заинтересовала его — отчего он не делает первых шагов? Круиз продлится всего неделю, так что он рискует упустить возможности знакомства...

Ну да, вот он и подкараулил ее на палубе, чтобы наверстать упущенное!

Женщина кокетливо склонила голову к плечу и проговорила мечтательным тоном:

— Какая прекрасная ночь, не правда ли?

Только идиот не отзовется на такой откровенный призыв! А этот человек не похож на идиота...

Он шагнул к ней, склонился с каким-то странным выражением лица, но вместо ожидаемых слов проговорил:

— Где оно?

— Что?! — Женщина отшатнулась, удивленная и испуганная. Ее испугал напряженный, горячий голос мужчины, его странное лицо, гипсовой маской выступившее из темноты, а еще — запах...

От него пахло, как и должно было пахнуть — хорошим дорогим одеколоном, дорогим односолодовым виски, но сквозь этот привычный мужской запах пробивалась еще одна незнакомая, пугающая нота — резкий, волнующий запах какого-то дикого животного.

— Где оно? — повторил незнакомец.

Женщина попятилась. У нее больше не было того приятного романтического настроения, вызванного звездной ночью и тихим дыханием океана. Ей захотелось вернуться к людям, к шуму голосов, к безопасной круизной скуке.

— Оставьте меня, — проговорила она, отступая к двери. — Я не знаю, о чем вы говорите.

Но он каким-то непостижимым образом оказался между ней и дверью, между ней и безопасностью. Он оттеснил ее в темный угол за шлюпкой и проговорил, неизвестно к кому обращаясь:

— Чжуан Цзы!

И тут из-за лацкана его темного пиджака показалась остренькая любопытная мордочка. Две яркие бусинки глаз сверкнули в темноте, острые ушки встали торчком.

— Кто это? — спросила женщина.

Любопытство преодолело страх, кроме того, симпатичный зверек казался таким милым и безопасным, он примирял ее со странным поведением своего хозяина.

— Чжуан Цзы! — повторил мужчина, и зверек, выскользнув у него из-за пазухи, прыгнул на плечо женщины. Она испуганно вздрогнула: маленькие коготки оцарапали кожу, а главное — прежний тревожный запах стал гораздо сильнее.

Зверек оглядел ее, изящно откинув треугольную головку, поводя усиками. Он был очень красив — темная шелковистая шкурка, покрытая белыми пятнами, полосатый пушистый хвост.

Повернувшись к хозяину, он приоткрыл пасть и издал громкий сорочий стрекот — трак-так-так!

— У вас его нет, — разочарованно проговорил мужчина, — Чжуан Цзы не может ошибиться. У вас его нет, но вы должны знать, где оно. И вы мне это скажете.

— Да о чем вы говорите? — В голосе женщины испуг сменялся раздражением. — И заберите наконец своего зверька! Он, конечно, красивый, но он порвет мое платье...

Мужчина словно не слышал ее слов.

Он начал задавать ей вопросы — странные, бессмысленные, пугающие.

Она отвечала — чтобы этот дикий разговор как можно скорее закончился.

Но когда мужчина получил все ответы, он не оставил ее в покое. Он забрал своего зверька, затем достал из кармана маленький серебристый флакон и брызнул в лицо женщине.

Она ахнула, попыталась закрыть лицо рукой, но тут же потеряла сознание и сползла на палубу.

И тогда мужчина легко поднял ее и перевалил за борт — в черную ночную пучину.

«Что я тут делаю?» — в который раз мысленно спросила себя Надежда, не забывая сохранять на лице выражение приветливого интереса к окружающему.

И опять-таки с грустью констатировала, что не может дать ответа на такой простой вопрос — что делает она, взрослая солидная женщина, в компании незнакомых людей в этой захлавленной квартире, за столом, уставленным едой, которую невозможно есть. Ну, последнее не столь важно, уже не-

сколько лет Надежда была твердо уверена, что чем меньше съешь за праздничным столом, тем лучше.

От этой мысли Надежда повеселела и улыбнулась сидевшему напротив мужчине как можно лучезарнее. Он ответил ей долгим внимательным взглядом, от чего Надежде стало как-то не по себе.

— Налейте мне водички, — сказала она, тронув за рукав соседа, — вон той, без газа...

Сосед молча выполнил ее просьбу, и Надежда Николаевна тихонько вздохнула. Неужели прав ее муж Сан Саныч, когда утверждает, что Надежда вечно вляпывается во всякие истории благодаря своему удивительному легкомыслию?

«Все не так, — тут же принялась оправдываться Надежда, — на этот раз я просто не нашла в себе сил отказаться. Нина так просила прийти, мне было неудобно... Вот теперь и мучаюсь... Нет, все-таки нужно научиться говорить людям нет!»

— Положить вам пирожок? — спросил вдруг сосед тихонько.

И, заметив, что Надежда помотала головой, доверительно наклонился к ее уху:

— Не бойтесь, это Ларка пекла, она умеет...

— Тогда два! — Надежда решила рискнуть.

Пирожки и правда оказались выше всяческих похвал — начинки много, и тесто так и тает во рту.

Надежда хотела было восхититься вслух, но сообразила, что это будет невежливо по отношению к хозяйке. Оголодавшие гости накинулись на пирожки, потому что все остальное есть было невозможно. Да уж, Нинка совершенно не умеет готовить...

Надежда оглядела комнату.

Большая, просто даже огромная, и потолки высоченные. Окна красивой формы, занавески, правда, совсем к ним не подходят. Мебель разномастная. Диван, на котором сидит сама Нина и ее муж, — совсем новый, только что купленный. Стол — большой, крепкий, на тяжелых ногах, дубовый, наверно, за него небось можно человек двадцать посадить. А их всего шестеро — Нина, ее муж Георгий, его старый приятель... как же его... Константин, сама Надежда и еще семейная пара, Нина говорила, что они вместе работают. Лариса — полноватая улыбчивая женщина, готовить и верно умеет, пирожки вкуснейшие. Муж ее, что рядом с Надеждой сидит, все больше помалкивает. Над столом на цепи лампа висит — старинная, бронзовая. А чуть в стороне — противовес чугунный, чтобы лампу поднимать или опускать при необходимости. Красивая вещь, видно, что не новодел, ну, в этой квартире, верно, много всего.

Надежда Николаевна отпила водички и незаметно поглядела на часы. Только полдевятого натикало, рано, ох, рано еще уходить! Еще не все тосты сказаны, горячее будет, а потом чай... Так что часа полтора как минимум мучиться...

«Угораздило же меня...» — снова вздохнула Надежда.

Все началось неделю назад, когда встречалась их институтская группа. Группа у Надежды Николаевны была интернациональная — учились тогда в институте студенты из стран соцлагеря, тогда еще не бывшего. Были в группе три девочки-болгарки,

одна — удивительная красавица, и парень и девушка из ГДР, которые поженились в процессе учебы.

Первое время доходили от немцев кое-какие сведения — двое детей, квартира в Берлине, затем у них сломали Берлинскую стену, а у нас началась перестройка, и всем стало не до бывших соучеников.

И вот, прошло много лет, и Герхард с Ренатой объявились. Они решили приехать в Санкт-Петербург, чтобы вспомнить свою молодость и повидать старых друзей по институту.

Как истый немец, Герхард подошел к делу основательно. Примерно за полгода он разослал имейлы — в деканат института, на кафедру и еще куда-то с целью найти хоть кого-то знакомого.

Ответили ему только с кафедры, и то через месяц, потому что там подвизался парень с их же курса, который по чистой случайности не забыл Герхарда, хоть прошло без малого тридцать лет. Еще через некоторое время преподаватель встретил своего приятеля из Надеждиной группы, Лешку Антонова, и передал ему содержание письма. Но разгильдяй Лешка потерял старую записную книжку, где были у него все телефоны одноклассников, а на память помнил только один — Ирки Корабельниковой, которая жила когда-то с ним в одном дворе. Но когда он сподобился позвонить, оказалось, что Ирки по этому телефону давно уже нету, поскольку они с мужем в разводе. Этот самый разведенный муж Игореша на Ирку был очень сердит, и телефон ее нынешний долго не хотел давать Лешке, мотивируя это тем, что у Лешки в гос-

тях Ирка и познакомилась с ее вторым мужем. И хоть было это сто лет назад, Игореша затаил на Лешку хамство.

Пришлось идти к нему выяснять отношения за бутылкой водки. После приятно проведенного вечера Лешка вообще забыл, зачем он звонил Ирке, кстати, телефона бывший муж ему так и не дал.

Прошло еще какое-то время, и Лешке позвонила Люся Симакова. Оказалось, сын ее приятельницы учится как раз у Лешки. Оболтус нахватал двоек и до того оброс хвостами, что ему грозило исключение. Тут как раз подошел весенний призыв в армию, и всполошился даже папа оболтуса, а мама давно уже лежала в обмороке.

Общими усилиями удалось оболтуса вытащить, и, к счастью, в самый последний момент в Лешкиной голове всплыло злосчастное «мыло».

Люся Симакова была женщина общительная и организованная. Она обзвонила всех, чьи телефоны у нее были, заказала зал в приличном ресторане, так что немцев ожидала сердечная, хоть и камерная встреча.

Народу было мало, поскольку собирались в спешке и не успели скорректировать свои планы. Кто-то уехал отдыхать в Египет или Таиланд, кто-то — в командировку в Новосибирск, кто-то просто не смог прийти по уважительным семейным причинам. Надежда, конечно, пошла на встречу с радостью — хотелось всех повидать.

Посидели хорошо, выслушали подробный рассказ немцев о жизни, пересмотрели фотографии детей и внуков, рассказали о своем. У Ленки Пан-

тюхиной родился пятый внук, Алена Забелина переехала в загородный дом, Люська Симакова развелась, а Нина Ч. вышла замуж.

Удивились только последнему факту.

Нина была стопроцентной и законченной старой девой. Уже в молодые институтские годы всем было ясно, что замуж Нинка не выйдет никогда. Никакому самому завалющему парню не придет в голову обратить на нее внимание. Все институтские годы Нина ходила в каких-то старушечьих свободных кофтах, волосы заплетала едва ли не в косички, обувь ее летом напоминала галоши, а зимой — валенки.

Но дело было даже не в жуткой бесформенной юбке в красно-коричневую клетку и не в полном отсутствии косметики. Нинкино простодушие и наивность некоторым казались беспросветной глупостью. В общем, Нина Ч. была девушкой со странностями, хотя на учебе это не отражалось, училась Нина всегда хорошо. Злые языки называли ее зубрилкой и утверждали, что хорошие отметки Нинка зарабатывает не головой, а пятой точкой, которая, надо сказать, была у нее явно больше нормы.

Надежда с Ниной не дружила, но никогда не подсмеивалась над ней, хотя не раз задавалась бесполезным вопросом, как можно в здравом уме надеть эту жуткую клетчатую юбку.

Однако курсе на третьем им выпало вместе делать курсовик, и Надежда убедилась, что Нина далеко не дура, в смысле учебы конечно, и никакой зубрежкой там и не пахнет, соображает она в учебе. Нина была со всеми неизменно вежлива, но в подруги и друзья не навязывалась, ее тоже не тро-

гали. Фамилия ее была Чересполосова, и тот же острый на язык Лешка Антонов окрестил ее Ниной Ч., потому что фамилия была такой длинной, что даже не умещалась в чертежный штамп.

Это прозвище прилипло к Нине на все пять с половиной лет учебы, даже преподаватели иногда так говорили.

После окончания учебы Нина пропала из виду, да никто особенно ею и не интересовался, даже неугомонная Люська Симакова не знала, что Нина поддельвает. На встречи соучеников Нина никогда не ходила, а теперь вот появилась.

Исчезли балахонистые кофты и туфли, напоминающие галоши, не было немислимых воротничков с рюшами и знаменитой юбки в коричневую клетку. Теперь на Нине было скромное рябенькое платьице, недорогое, но относительно приличное, сапоги хоть и на низком каблуке, но не казавшиеся кирзачами.

В остальном Нина не изменилась, Надежда видела те же жидковатые волосы, теперь коротко подстриженные, то же полное отсутствие косметики. Хотя нет, Нина покрасила губы помадой, которая, надо сказать, совершенно ей не шла.

Нина по-прежнему держалась скромно, однако норовила ненавязчиво продемонстрировать всем обручальное кольцо.

— Давно ты замужем? — улыбаясь, спросила Надежда, несмотря ни на что, приятно было видеть эту новую Нину.

— Уже два месяца, — призналась Нина и тут же добавила непосредственно: — Это такое счастье...

— Рада за тебя, — сказала Надежда и погладила Нину по плечу.

— Еще столько всего нужно сделать... — щебетала Нина, — быт совсем не налажен! Ремонт в квартире не делали лет сорок, представляешь? Мебель купить...

— Это приятные заботы... — улыбнулась Надежда. — А кто твой муж?

— Он... он работает в очень крупной фармацевтической фирме! — тут же без запинки ответила Нина. — Он там начальник исследовательского отдела, представляешь? Ну, новые лекарства разрабатывает...

— Важное дело... — согласилась Надежда.

Когда все собрались уходить, Люся Симакова предложила подвезти их с Ниной до метро.

— Что это ты на машине? — удивилась Надежда. — Не выпить в ресторане...

— Привыкла уже! — Люська рассмеялась. — Без колес как будто раздетой себя чувствую! По работе много ездить приходится...

Надежда разговор о работе не поддержала — ей-то сказать было нечего. Как сократили ее из научно-исследовательского института два года назад, так с тех пор она и считается домохозяйкой (ох, как ненавидела Надежда это слово!). И хоть жила она эти два года неплохо — за мужем, как за каменной стеной, и к домашнему хозяйству относилась без фанатизма, и привыкла уже к тишине и неторопливости, все же иногда хотелось Надежде своей собственной интересной и достойной работы. Но кто же приготовит такую для женщины старше пя-